

СМОТРИТЕЛИ СНОВ ФОНАРЬ В ТЕМНОТЕ

НИКА ФЛАЙ

Ника Флай

Смотрители снов.

Фонарь в темноте

<https://litres.ru/74254363>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если твой страх — не слабость, а твоя суперсила?

Миша боится темноты, собак и того, что над ним будут смеяться. Но однажды ночью он проваливается в мир Сновидений и узнаёт: его ночник-ракета — магический артефакт, а он сам — Смотритель снов. Вместе с бесстрашной Люсей и хулиганом Васей Мише предстоит зажечь древний Маяк и победить Дрему — злую скуку, которая крадёт у детей самые яркие сны.

Но главная битва будет не с монстрами. Главная битва будет внутри себя. Смогут ли дети принять свои страхи и превратить их в свет?

Содержание

Глава 2. «Девочка, которая не спит»	9
Глава 3. «Карта в банке из-под варенья»	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ника Флай

Смотрители снов.

Фонарь в темноте

Глава 1. «Самая длинная ночь»

За окном кто-то выл.

Нет, сначала Миша подумал, что это просто ветер. Но ветер так не воет. Ветер — он свистит или гудит. А этот звук тянулся, дрожал и царапал стекло, будто огромный зверь пытался пробраться в комнату сквозь щель в раме.

Миша лежал под одеялом и не дышал.

Он уже давно перестал верить в монстров под кроватью. В прошлом году он даже заглянул туда с фонариком и нашёл только пыльный носок, который потерял ещё весной. С тех пор монстры исчезли.

Но в *эту* ночь всё было по-другому.

Во-первых, луна спряталась за тучи, и комната стала похожа на аквариум с чёрной водой. Во-вторых, тени от клёна за окном раскачивались не как обычно — плавно и лениво. Они дёргались. Они вытягивали свои ветки-пальцы прямо к его кровати, словно хотели постучать по стеклу и сказать: *«Эй, Миша, открой!»*

— Не боюсь, — прошептал Миша в подушку. Голос прозвучал тонко и жалко, совсем не как у будущего чемпиона

по футболу. — Я вообще ничего не боюсь.

Он натянул одеяло до самого подбородка, потом до носа, а потом и вовсе накрылся с головой. В темноте под одеялом пахло пижамой, вчерашним чаем и чуточку храбростью. Он зажмурился и начал считать:

— Один... два... три... Крокодилы и бегемоты... четыре... пять...

Мама всегда говорила: «Если боишься, считай до ста. Сто — это магическое число, оно разгоняет всех страшилок». Миша верил в магию ровно до того момента, пока не дошёл до сорока семи. Тут он понял, что страх никуда не ушёл. Он сидел снаружи, притаившись за оконной рамой, и ждал.

Миша высунул кончик носа из-под одеяла и покосился на ночник.

Это был его самый любимый ночник в мире — серебристая ракета на круглой подставке. Когда папа включал её, на потолке появлялась карта звёздного неба: маленькие светящиеся точки разбегались по белой штукатурке, и можно было лежать и придумывать собственные созвездия.

Ракета всегда горела ровным, спокойным синим светом. *Всегда.* Даже когда батарейки почти садились, она не мигала — она просто становилась чуть бледнее.

Но сегодня...

Миша моргнул.

Ракета мигнула в ответ.

— Нет, — сказал он громко. — Это мне показалось.

Морг! Свет погас на целую секунду.

— Батарейки новые! — Миша сел на кровати. Одеяло сползло с плеч, и холодный воздух тут же укусил его за пятки. — Папа вчера вставил новые! Я сам видел!

Ракета молчала. Она просто стояла на тумбочке и светила своим ровным синим светом, будто ничего не случилось. Но Миша знал: случилось.

За окном ветер завыл снова. Теперь он не царапал стекло. Он *смеялся*. Глухо, раскатисто, как смеётся злодей из старого мультика, когда у него получается плохой план.

— Я не боюсь, — повторил Миша, но на этот раз слова вышли какими-то ватными. — Я не боюсь, я не боюсь, я не...

Он резко лёг обратно, вжался спиной в матрас и зажмурился так сильно, что под веками заплясали золотые кружочки. Он сосредоточился на дыхании: вдох — раз, выдох — два. Вдох — раз, выдох — два.

«Это просто ветер, — убеждал он себя. — Самый обычный ветер. А тени — это просто ветки. А ночник... ну, может, я просто перегрелся под одеялом. Мне снится».

Он почти поверил в это. Почти.

Миша уже начал проваливаться в тёплую, тягучую дрему, где нет ни ветра, ни теней, ни страшных звуков, как вдруг...

Дёрг.

Кто-то потянул его за край одеяла.

Миша замер. Сердце сделало кульбит, стукнулось о рёбра и затаилось где-то в горле.

Дёрг-дёрг.

Настойчиво. Коротко. Так дёргает кот, когда хочет, чтобы его пустили под одеяло. Но Кузя, рыжий толстый кот, спал в коридоре на мамином пуховике. Миша сам видел его перед тем, как лечь.

— Кузя? — шепнул он в темноту.

Тишина. Только ветер за окном и странное шипение, которое доносилось из-под кровати.

Миша открыл один глаз. Потом второй.

Он посмотрел вниз.

Сначала он увидел только край матраса и полоску паркета. Потом его взгляд опустился ниже...

Пола не было.

Кровать Миши парила в воздухе. Она висела примерно в метре над пустотой, чёрной и бездонной, как колодец. Из этой пустоты тянулись тонкие, дрожащие серые пальцы. Они держали одеяло. Они звали его.

Миша открыл рот, чтобы закричать. Но крика не получилось. Получился только сухой, испуганный всхлип.

А потом кровать качнулась.

Скрип-и-и-и-и-и-и-и-и-и-и...

Она накренилась набок, и Миша почувствовал, что падает. Он вцепился в простыню, но она выскользнула из пальцев, как мокрая рыба.

— МАМА!

Этот крик вырвался сам собой. Громко, отчаянно, так

громко, как Миша никогда не кричал. Он кричал и падал, падал в чёрную пустоту, которая засасывала его как огромный пылесос.

Он успел заметить только одно: его ночник-ракета сорвался с тумбочки и полетел следом. Синий свет мигнул последний раз, разбивая тьму, и погас.

А потом стало совсем темно.

Глава 2. «Девочка, которая не спит»

Миша падал.

Он летел вниз спиной, животом, боком — кувыркаясь, как носок в стиральной машине. Ветер свистел в ушах так громко, что собственного крика он уже не слышал. Он только чувствовал, как горло раздирает отчаянный, сорванный вой:

— А-А-А-А-А-А!

Он зажмурился и приготовился к удару. Сейчас он шлёпнется об пол, сломает руку, ногу, а может, и всё сразу. Мама будет плакать. Папа вызовет скорую. В школе скажут: «А Миша-то разбился, потому что боялся темноты».

Но удара не было.

Бу-у-у-у-у-мх!

Миша шмякнулся во что-то мягкое, упругое и огромное. Оно пружинило, подкидывало его вверх, как на батуте в парке аттракционов. Он подскочил раз, второй, третий, пока наконец не поймал равновесие и не растянулся звёздочкой на невероятно пушистой поверхности.

Он открыл глаза.

Он лежал на подушке. Но это была не просто подушка. Это была *ПОДУШКА*. Она занимала всю комнату. Белая, взбитая, пахнущая облаками и почему-то малиновым варе-

нием.

Миша сел и огляделся.

Это была его комната. Ну, почти. Вот его письменный стол — но он был нарисован акварелью. Края стола расплывались, как если бы кто-то капнул на рисунок воды. Вот его шкаф — но он переливался всеми цветами радуги и слегка покачивался из стороны в сторону. А вместо стен висели лёгкие, полупрозрачные шторы, сквозь которые струился голубоватый свет.

— Ты чего орёшь, как пожарная сирена? — раздался звонкий голос.

Миша обернулся.

На подоконнике сидела девочка. Она была примерно его возраста, с двумя короткими хвостиками, которые торчали в разные стороны, как антенны. В руках она держала блокнот и шариковую ручку и что-то быстро-быстро строчила, даже не глядя на Мишу. Её пижама была синей, в звёздочках, а на ногах — смешные тапочки в виде зайцев.

— Ты кто? — спросил Миша, пытаясь отдышаться.

— Люся, — ответила девочка, не отрываясь от блокнота. — А ты — Миша. Я знаю. Ты из сто тридцать второй квартиры. Я тебя видела в лифте. Ты вечно забываешь нажать на кнопку своего этажа.

— Я не забываю! — возмутился Миша. — Я просто задуываюсь!

Люся хмыкнула и наконец подняла голову. Глаза у неё

были внимательные, цепкие, и при этом она слегка прищурилась, как учительница математики, когда проверяет контрольную.

— Ладно, слушай сюда, Задумчивый, — сказала она, закрывая блокнот. — Ты сейчас не в своей комнате. Ты вообще не в реальности. Ты во сне.

Миша моргнул.

— Но я же не сплю! — возразил он. — Я упал с кровати!

— Ты *проснулся* внутри сна, — терпеливо пояснила Люся, будто объясняла первокласснику таблицу умножения. — Это такое редкое явление. Обычно дети видят сны и даже не знают, что они там. А некоторые, как мы, умудряются открыть глаза внутри собственной головы. Это как... ну, как если бы ты смотрел кино, а потом вдруг залез в экран.

Миша потрогал стену. Рука прошла сквозь неё, как сквозь дым.

— А-а-а! — отдернул он руку. — Она не настоящая!

— Конечно, не настоящая, — фыркнула Люся. — Ты только что выпал из реальности, а теперь переживаешь, что стена ненастоящая? Слушай, мне некогда с тобой возиться. Мне надо записывать сны.

Она снова открыла блокнот и принялась яростно черкать.

Миша подполз по подушке поближе и заглянул в блокнот. Там были нарисованы странные символы: круги с палочками, зигзаги и какие-то закорючки, похожие на китайские иероглифы.

— Ты записываешь сны? — удивился он. — Зачем?

— Чтобы они не сбылись, — серьёзно ответила Люся и посмотрела на Мишу так, что ему стало не по себе. — Я уже три ночи не сплю. Совсем. Потому что если я усну, мне приснится бабушка.

— Бабушка? — переспросил Миша. — Это страшно?

— Ты не знаешь мою бабушку, — тихо сказала Люся. — Она живёт в соседнем сне. Она строгая. Она заставляет меня есть манную кашу с комочками. И она всегда говорит, что я делаю всё неправильно. Когда она появляется в моём сне, я просыпаюсь в холодном поту. Поэтому я лучше не буду спать вообще.

Миша сел поудобнее на подушке. Ему вдруг стало жалко эту странную девочку с её блокнотом.

— Слушай, Люся, — сказал он. — А ты не могла бы помочь мне вернуться? Ну, в реальность? К маме? К кровати? Меня там, наверное, уже ищут...

Люся захлопнула блокнот, сунула его в карман пижамы и прыгнула с подоконника на подушку. Та качнулась, как на волнах.

— Есть один способ, — сказала она, глядя на Мишу в упор. — Надо дойти до Маяка.

— Маяка?

— Это башня. В центре Сновидений. Там живут Смотрители. Они чинят сны, успокаивают кошмары и следят за порядком. Говорят, если войти в Маяк и дотронуться до глав-

ной лампы, можно проснуться в любой точке мира, где захочешь. Но...

— Что «но»? — нетерпеливо спросил Миша.

— Я туда не пойду, — отрезала Люся и скрестила руки на груди. — Там страшно. Там вокруг Маяка — Топь. Там плавают обрывки плохих снов. Если упадёшь в неё — забудешь всё: как тебя зовут, где ты живёшь, как выглядит твоя мама. Я не хочу это забывать.

— Но ты же можешь показать мне дорогу! — взмолился Миша. — Только до ворот! Я сам зайду! Я не боюсь!

— Ты боишься, — усмехнулась Люся. — У тебя даже губы дрожат.

Миша хотел что-то ответить, но вдруг комната дрогнула.

Сначала тихо — так, как вздрагивает пол под ногами, когда по улице проезжает тяжёлый грузовик. Потом сильнее. Шторы на стенах взметнулись, и сквозь них Миша увидел, как снаружи что-то меняется. Свет стал серым. Мутным. Будто солнце накрыли ватным одеялом.

— Нет, — прошептала Люся. Её лицо побледнело. — Нет-нет-нет. Только не сейчас. Только не здесь...

— Что? Что происходит? — Миша схватил её за плечо.

Они посмотрели на стену. Там, где раньше висело обычное зеркало (которое Миша сам повесил на дверцу шкафа, чтобы проверять, ровно ли лежат волосы), теперь появилась трещина. Тонкая, как паутинка. Она росла. Она разбегалась во все стороны, как корни дерева.

Крак-крак-крак!

Стекло лопнуло. Из зеркальной глубины вырвался серый, клубящийся комок. Он был похож на облако, только очень грустное. У него были огромные, навывкате, влажные глаза. Они смотрели на Мишу с такой тоской, что у него защемило сердце.

— Это Хнык! — закричала Люся. Её голос сорвался на визг. — Он из моего сна! Он из моей бабушки! Он пришёл за мной!

Хнык издал жалобный звук. Он не рычал и не шипел. Он просто *шмыгнул носом* — громко, мокро, и от этого звука Мише захотелось заплакать.

— Бежим! — Люся схватила Мишу за руку. Её ладонь была горячей и влажной. — Бежим, быстрее!

Они побежали. Подушка под ногами пружинила, замедляла их, засасывала ступни, как болото. Хнык вылетел из зеркала и поплыл за ними — медленно, но неотвратно.

— Окно! — крикнула Люся. — Прыгаем!

— Но мы же на пятом этаже! — запротестовал Миша, но было уже поздно.

Люся разбежалась, оттолкнулась от края подушки и, как ласточка, вылетела в распахнутое окно. Её хвостики развевались, а зайцы на тапочках смешно дрыгали лапками в воздухе.

Миша оглянулся. Хнык был уже в метре от него. Из его огромных глаз катились серые слезы, и каждая слеза, падая

на подушку, оставляла тёмную, дымящуюся дыру.

— А-а-а-а-а! — заорал Миша и прыгнул следом за Люсей в пустоту.

Ветер снова засвистел в ушах. Он падал, и единственное, что он видел внизу — это бесконечные крыши сновидений, которые простирались до самого горизонта. А рядом, на лесту, Люся уже кричала ему:

— Держись! Я знаю, где спрятаться! Я знаю, где старый фонарь!

И Миша, кувыркаясь в воздухе, вдруг понял: он больше не в своей комнате. Он вообще не знает, где он. И единственный человек, который может ему помочь — эта сумасшедшая девочка в тапочках-зайцах.

Он крепче сжал её руку и закрыл глаза.

Глава 3. «Карта в банке из-под варенья»

Миша больше не кричал.

Он просто летел вниз головой, вцепившись в руку Люси, и чувствовал, как ветер треплет его пижаму и задувает за шиворот ледяные иголки. Внизу, под ними, простирался бесконечный город. Но это был не обычный город.

Крыши домов переливались всеми цветами радуги, как мыльные пузыри. Одни были гладкими и блестящими, другие — шершавыми, как наждачная бумага. Из труб вместо дыма вылетали разноцветные искры, и каждая искра, падая вниз, превращалась в маленькую звёздочку. Где-то вдалеке проплывал огромный кит, сделанный из облаков, а на его спине скакали крошечные фигурки в пижамах.

— Это сны! — крикнула Люся, перекрикивая ветер. — Мы летим над снами других детей! Не смотри вниз, а то закружится голова!

Но Миша уже смотрел. И у него действительно закружилась голова.

Он попытался перевернуться в воздухе, чтобы приземлиться на ноги, но вместо этого кувыркнулся и полетел вниз быстрее, чем раньше. Земля приближалась. Сейчас он разобьётся о крышу, которая была похожа на огромный розовый

зефир...

Бум!

Миша врезался в крышу, но не разбился. Он просто *отскочил* от неё, как резиновый мячик, подпрыгнул и снова шлёпнулся. Крыша оказалась мягкой и упругой. Она пахла клубникой и немного ванилью.

— Фух... — выдохнул Миша, лёжа на спине и глядя в перламутровое небо.

— Вставай, соня! — Люся уже стояла рядом и отряхивала пижаму. — Он ещё дышит, а главное — у нас есть фора. Хныки медленные, но упрямые. Идём!

Они побежали.

Крыши сновидений сменяли друг друга как картинки в калейдоскопе. Сначала они скакали по жёлтым, липким крышам (Миша чуть не прилип намертво и понял, что это сон кого-то, кто очень любит мёд). Потом перебрались на шоколадные плитки, которые хрустели под ногами и крошились в сладкую пыль.

— Не отставай! — крикнула Люся, перепрыгивая через огромный дымоход, из которого вместо дыма вылетали маленькие бумажные самолётики.

Миша разбежался, оттолкнулся...

И вдруг его нога соскользнула.

Он поскользнулся на гладкой, как лёд, поверхности и полетел вниз. Но на этот раз он летел не в мягкую крышу. Он летел в *провал*. Между домами зияла широкая чёрная рассе-

лина, и оттуда тянуло холодом и сыростью.

— Люся! — закричал Миша, цепляясь за край крыши.

Он повис над бездной. Снизу на него смотрела Топь.

Это была не вода. Это была густая, липкая, чёрная жижа, которая медленно перетекала из стороны в сторону, как горячий дёготь. Внутри неё что-то двигалось. Миша разглядел мелькающие силуэты: огромные зубастые пасти, скрюченные пальцы, летящие камни, чьи-то испуганные лица. И над всем этим — пузыри. Они лопались с тихим, противным хлопанием, и из каждого пузыря вырывался звук: чей-то плач, чей-то крик, чей-то испуганный шёпот.

«Мама, я боюсь...»

«А вдруг я не сдам экзамен?»

«Они все смеются надо мной...»

Страхи. Миша понял это сразу. Каждый пузырь — это чей-то страх, который упал в Топь и теперь бурлил там, ожидая, когда кто-то подойдёт поближе.

— Держись! — Люся уже была рядом. Она схватила его за шиворот пижамы и изо всех сил потянула наверх. — Давай! Я не могу тебя удержать!

Миша оттолкнулся ногами от края и вылетел обратно на крышу. Сердце колотилось где-то в горле. Он тяжело дышал, лёжа на спине, и не мог поверить, что только что чуть не утонул в чужом страхе.

— Больше так не делай, — сказала Люся, но голос у неё был не злой, а испуганный. — Смотри под ноги. Топь всё

время расширяется. Если упадёшь — пропадёшь навсегда.
— Я... я запомню, — выдохнул Миша.

Они побежали дальше.

Скоро крыши закончились. Они оказались на узкой улочке, застроенной странными домами. У каждого дома была своя форма: один был похож на огромный ботинок, другой — на чайник, третий — на пирамиду из мороженого. Но Миша не успел рассматривать их, потому что его взгляд приковал к себе свет.

Синий, тёплый, спокойный свет.

Он исходил от старого, ржавого фонаря, который стоял прямо посреди перекрёстка. Фонарь был весь покрыт рыжими пятнами ржавчины, стекло на нём треснуло, а сверху висела табличка, на которой было выцарапано: «РЕМОНТ ОТКЛАДЫВАЕТСЯ НА НЕОПРЕДЕЛЁННЫЙ СРОК».

Но внутри фонаря горел огонь. Не электрический, не газовый. Настоящий живой синий огонь, который танцевал, как свечка.

— Это он, — прошептала Люся. Её глаза загорелись. — Это старый фонарь Смотрителей. Мама говорила, их раньше было много по всему городу, но потом они погасли. Этот — последний.

Она подбежала к фонарю и дёрнула за маленькую дверцу у основания. Дверца со скрипом отворилась.

Внутри оказалось пусто. Ну, почти пусто. Там стоял старый эмалированный чайник, от которого пахло ромашкой,

и лежал круглый плоский предмет, похожий на карманные часы без цепочки.

— Компас, — сказала Люся, вытаскивая его.

Миша подошёл ближе и заглянул в компас. Внутри не было стрелки. Вместо нее там лежало маленькое пушистое перышко. Белое, как первый снег, с серебристым кончиком.

— Как же он работает, если нет стрелки? — удивился Миша.

— Не знаю, — пожала плечами Люся. — Может, он сломался. Как и всё в этом мире.

Она уже хотела положить компас обратно, как вдруг позади них раздался мокрый, шмыгающий звук.

Шмы-и-и-и-к...

Миша обернулся.

Из-за угла дома-ботинка выплыл Хнык. Он был больше, чем раньше. Он раздулся и теперь занимал почти весь проход. Его огромные, печальные глаза смотрели прямо на Люсю. Из них текли серые слёзы, оставляя на камнях дымящиеся лужи.

— Он нашёл нас, — прошептала Люся. — Он всегда меня находит...

— Бежим? — спросил Миша.

— Куда? Он везде!

Миша в панике схватил компас и вытащил его из фонаря. И тут, сам того не желая, он поднёс компас ко рту и дунул на перышко.

Перышко закружилось. Оно подпрыгнуло, повернулось три раза вокруг своей оси и замерло. Оно указывало прямо направо — туда, где вдалеке, сквозь туман, виднелась серебристая башня, которая касалась самого неба.

— Оно показывает дорогу к Маяку! — выдохнула Люся.

Но Хнык был уже в двух шагах. Он протягивал к ним свои длинные серые руки. Миша не знал, что делать. Он просто сунул руку в карман пижамы и...

Нащупал фонарик.

Свой ночник-ракету. Он забыл о нём! Когда падал, фонарик упал вместе с ним и, видимо, незаметно завалился в карман.

Миша нажал на кнопку.

Синий свет ударил из ракеты прямо в Хныка. Это был не просто свет — он был густым, плотным, как солнечный луч в летний полдень.

Хнык остановился. Его огромные глаза расширились. Он зажмурился, издал жалобный писк и начал таять, сжиматься, уменьшаться. Через секунду он превратился в маленький серый шарик, шмыгнул носом в последний раз и укатился в щель между домами.

— Он ушёл? — не веря своим глазам, спросил Миша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.